

УДК [821.161.2+821.161.1]-313.2.091'06

Л. Б. Лавринович

(Луцк, Украина)

**ВРЕМЯ В АНТИУТОПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале украинской и русской прозы конца
XX – начала XXI веков)**

В статье речь идет о художественном времени русской и украинской антиутопии конца XX – начала XXI веков. На примере романов В. Лобова «Дом, который сумасшедший», Д. Глуховского «Будущее», Т. Антиповича «Хронос», Т. Толстой «Кысь» М. и С. Дяченко «Армагед-дом», А. Ирванца «Ривне / Ровно / Стена. Якобы роман» и В. Сорокина «День опричника» анализируется образ времени в произведениях (прежде всего время антиутопического мира и субъективное психологическое время героя-рассказчика), также поэтика времени как составляющая поэтики произведения в целом.

This article is about artistic time of Russian and Ukrainian anti-utopia in the end of 20th and at the beginning of 21th centuries. The artistic images of time are analyzed in such novels as V. Lobov «The house, which is mad», D. Gluhovskiy «The future», T. Antipovich «Khronos», T. Tolstaya «Kysj», M. and S. Dyachenko «Armaged-house», A. Irvanetsj «Rivne / Rowno / Wall. As if the novel» and V. Sorokin «The day of oprichnik». First of all the time of the anti-utopian world and subjective psychological time of hero-teller are analyzed. Also the poetics of time as constituent of poetics of work on the whole is studied.

Ключевые слова: антиутопия; мифологическое время; темпоральная картина действительности; модусы времени.

Key words: anti-utopia; mythological time; temporal picture of reality; moduses of time.

Художественное время антиутопии – тема, к которой неоднократно обращались исследователи. Обычно речь шла о ряде теоретических проблем или о конкретных произведениях в контексте хронотопического анализа¹. Исследования компаративного характера по данной проблематике на материале украинской и русской литературы нам не известны. Остановимся на замеченных нами параллелях в украинских и российских антиутопиях в заявленном аспекте, не претендуя на полноту анализа и осознавая необходимость расширять его границы.

Говоря об антиутопическом дискурсе, имеем в виду не столько жанровый канон классической антиутопии, сколько его модификации, где трудно установить границы между антиутопическими элементами и элементами других жанров (прежде всего, фантастических). А. Смирнов определяет такие константы романа-антиутопии: 1) наличие футурологической модели мира; 2) негативный авторский пафос в изображении утопической модели; 3) вторичность литературного и социального материала, реализованная в традициях литературной пародии². При отборе литературного материала мы руководствовались именно таким подходом.

В отличие от русской литературы, где жанр антиутопии не только обладает мощной традицией, но является сегодня одним из самых востребованных, в украинской это явление не распространенное. Отдельные украинские антиутопии или делают акцент на морально-этической проблематике (через различные модели антиутопического общества), или выстраивают варианты альтернативных истории / времени. Востребованность определенного жанра в литературном процессе связана с целым рядом причин, среди которых – национальная историко-литературная традиция, комплекс культурных, общественных и других проблем, которые прямо или косвенно проявляются в художественном произведении.

Мы различаем время антиутопического мира, субъективное психологическое время героя-рассказчика (эти объекты анализа относятся к содержательной сфере произведения, формируют представление об образе времени) и поэтику времени как составляющую поэтики произведения в целом.

¹См.: *Дыдров А. А.* Утопия и антиутопия как специфические формы отношения к модусу будущего // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14 а. С. 38-41; *Григорьевская А. В.* Феномен цикличности истории в российской антиутопии 2000-х годов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 3. С. 63-70; *Козлова С. М.* Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3. С. 73-81; *Собиянэк К.* Прогнозирование будущего России в романе-антиутопии В. Г. Сорокина «День опричника» // Политическая лингвистика. 2009. № 30. С. 133-137 и др.

²*Смирнов А. Ю.* Традиции литературной антиутопии в романе В. Войновича «Москва 2042» // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. III. Мн., 2004. С. 239.

Классический антиутопический образ времени наблюдаем в романе Василия Лобова «Дом, который сумасшедший»¹. Изображенный автором мир –пространство Нашего Общего Дома, гротескного образа тоталитарного общества, где его жители («братцы») носят короны с соответствующим количеством зубцов, идентифицирующих их принадлежность к определенному рангу-ярусу. На этот образ замкнутого в пространстве мира накладываются специфические темпоральные атрибуты. В романе нет временной конкретики, материальный мир практически не изображен: этот минимализм вызван авторской установкой на демонстрацию временной универсальности, всеобщности изображаемого и воплощается благодаря авторской нарративной стратегии – наличию гомодиегетического рассказчика в экстрадиегетической ситуации. Герой «изнутри» воспринимает нарративную историю, детали для него сами собой разумеющиеся. Стилистика повествования героя упрощена, лишена малейшей образности. Поэтому когда именно происходят события – в условном прошлом, настоящем или будущем – определить трудно.

Темпоральные параметры Дома подчинены всеобщей иерархии. Это проявляется, прежде всего, в четкой регламентации времени. Герой-рассказчик постоянно автоматически фиксирует время тех или иных действий, которым подчиняется жизнь жителей дома: точное время является условием и ограничением для всего происходящего в Доме, любой выход за эти пределы наказывается. Общественная иерархия тоже отражена в темпоральных параметрах: не только в скорости и частоте функций жителей Дома, но и в различных уровнях протекания времени (существуют «спецминистерское», «стационарное» время и т. п.), в его регламентированных предписаниях («Завтра у нас по инструкции пятница...»). Субъективное, внутреннее психологическое время братцев растворяется во времени Дома, поэтому его замкнутый цикл экстраполирован и на психологию героев.

С темпоральными образами связаны в романе ключевые композиционные элементы. Завязкой сюжета является знакомство героя-рассказчика и брата Принцессы, которая тут же дарит ему часы. Этот подарок становится одним из катализаторов «безумия» героя. В финале произведения главные герои перемещаются во времени на тысячу лет вперед – в надежде, что Железный Бастион, который заслонял от жителей Дома иной мир, разрушен. Однако это очередная иллюзия: через тысячу лет люди также не свободны, следовательно, время антиутопического мира отождествляется с вечностью, а значит, выхода из него просто не существует.

¹Лобов В. Дом, который сумасшедший // Завтра. Фантастический альманах. Третий. М., 1992. С. 8–79.

Такая классическая антиутопия, в духе Е. Замятина и Дж. Оруэлла, практически не прижилась в современной украинской литературе.

Зато очевидны типологические параллели, с точки зрения и антиутопического дискурса, и форм его реализации, и формально-содержательного подхода к хроносфере художественного мира произведений наблюдаем в ряде украинских и русских романов, среди которых, например, «Будущее» Дмитрия Глуховского¹ и «Хронос» Тараса Антиповича². Оба произведения определяются критиками в русле категорий «футурологический роман», «апокалипсис», «антиутопия». Оба имеют схожую тему (время и бессмертие) и решают ее в антиутопическом ключе. Русский и украинский писатели моделируют ситуацию будущего, в котором время жизни человека можно регулировать искусственно. Дмитрий Глуховский создает образ мира, в котором люди достигли состояния вечной молодости и не умирают никогда. Как следствие – перенаселение планеты, наступившее через триста лет после изобретения вакцины (действие романа происходит в XXV веке), что привело человечество к ситуации невозможности продолжать свой род. Если женщина забеременеет, то один из «виновников» должен пожертвовать вечной юностью и бессмертием, он быстро стареет и умирает. Роман, по-постмодернистски микширующий массовое и элитарное, выстроен как линейное повествование со спорадическими экскурсами в прошлое. Относительная простота на уровне поэтики времени дополнена морально-философскими размышлениями главного героя (солдата Яна, выращенного для управления численностью населения бессмертного) и его попытками зафиксировать и осмыслить ценности конечной жизни.

Антропологический ракурс антиутопического дискурса имеет в произведении дидактический характер и проявляет себя именно через темпоральные измерения. Бессмертный герой чувствует себя несчастным, его тяготит этот статус. Его пугает старость (старики и дети в изображаемом мире являются отклонением, поэтому обитают в резервации). Однако бессмертие превращается в сознании героя в бесконечную однообразную борхесовскую вечность, где дни, как кадры из кино, наполнены несущественными событиями, потому что «не происходит вообще ничего», ибо жизнь «склеена в цикл» из нескольких бесконечно повторяющихся бессмысленных моментов.

Традиционный сюжет боевика наполнен у Глуховского яркими образами-лейтмотивами, среди которых – образы часов, стен, скоростных лифтов и экспрессов. Два последних ассоциируются у героя с теснотой, скоростью и постоянным страхом неуспевания. Часы – атрибут прошлого: ассоциативное воображение героя, которое наталкивает его на этот образ

¹Глуховский Д. А. Будущее. М., 2013. 480 с.

²Антипович Т. Хронос. К., 2011. 200 с.

(см. 1 главу романа – «Горизонты»), свидетельствует о его вжитости во время, о важности протекания времени для героя, что делает его в среде бессмертных маргиналом.

Т. Антипович в романе «Хронос» похожие вопросы решает иначе. Действие романа охватывает период 2040 – 2047 годов. Фабульное начало произведения – изобретение хрономата – устройства, способного высасывать биологическое время из живых организмов и возвращать его в любое тело. Благие намерения изобретателя создать новый Эдем обречены на поражение: человеческая натура, жаждущая власти и наживы, разрушает их, поэтому в мире повсеместно начинаются злоупотребления чиновников-взяточников, появляется большое количество хронограбителей, улицы становятся опасны, темпоральных узников искусственно старят в соответствии с полученным сроком и т. д. Общая апокалиптическая картина дополняется нетипичной композицией романа: он не имеет единого сюжета, это, скорее, роман в рассказах без сквозного героя.

Разделы романа, датированные «Июль 2040», «Сентябрь 2041» и т. д., как отмечает А. Михед, «похожи на прыжки во времени, поставленном будто бы на быструю перемотку реальности. Каждая история расширяет границы созданного мира, и писатель показывает катастрофические масштабы влияния изобретения на жизнь людей»¹. Очевидна сатирическая проекция произведения: в отличие от Глуховского, который моделирует возможную ситуацию и ее последствия (т.е. интенции российского автора больше в сфере возможного будущего, которое вытекает из нынешнего состояния дел в мировом сообществе), то Антипович через оригинальные, провокационные выдумки в сфере манипуляций со временем гротескно-аллегорически изображает общественные реалии, вполне узнаваемые реципиентом-современником. Написанный в 2010–2011 гг. роман «Хронос» – произведение условно-символического характера, создающее гротескную картину украинского общества начала XXI века. Пародийно, в духе футуристического романа-антиутопии переосмысливается не тоталитаризм, а тотальность общественного хаоса современной автору ситуации. Следовательно, прогностически-предупреждающая функция антиутопии здесь нивелирована, что делает произведение пригодным к прочтению в контексте понятия «гротескный реализм» (Ю. Манн).

Иной подход к художественной организации темпоральной картины в антиутопиях «Кысь» Татьяны Толстой и «Армагед-дом» Марины и Сергея Дяченко. В обоих произведениях наблюдаем по-разному воспроизведенную модель постапокалиптического будущего.

¹Михед О. У пошуках украденого часу // ЛітАкцент. 2011. 24 жовт. Режим доступу: <http://litakcent.com/2011/10/24/u-poshukah-ukradenoho-chasu/>

Действие романа «Армагед-дом»¹ происходит в фантастическом мире, формально похожем на современный. Однако шаткость внешней картины очевидна: «Людство «розвивається», освоєє нові простори, але проходить приблизно 20 років і все... Настає мрига, тобто апокаліпсис. Шанс вижити є – там, де багато людей, з'являються Ворота. Встигнеш пройти через них – ти врятований, якщо ні – вижити неможливо. Де і коли відкриються Ворота, не знає ніхто»². Так продовжується уже більше 50 циклов. Фабула произведения охватывает несколько таких циклов. Она связана с образом главной героини произведения – Лидии Сотовой, ярко выделяющейся на фоне циклического апокалиптического круговорота жизни. Фантастический посыл романа апеллирует, скорее, к проблематике не общественной, а морально-этической: именно неспособность человека жертвовать собой ради других, как становится понятно в финале произведения, приводит к дурной бесконечности повторяющихся циклов, и только тот, кто может пойти на такой шаг сознательно, разрушает ее. Выход из апокалипсиса – в сфере человеческого духа.

Несколько иная картина постапокалипсиса в известном романе Т. Толстой – произведении, значительно более богатом для разных уровней осмысления (неоднократно и внимательно прочитанном российскими исследователями). Модель будущего, изображенная автором, сочетает в себе все модусы времени – прошлое, настоящее и будущее, которые создают парадоксальный литературный палимпсест. Действие произведения происходит после Взрыва: автор изображает постапокалиптический мир, со всеми его атрибутами – запустением, картинами разрушений, дикостью и бескультурьем. При этом номинальное будущее *de facto* переносит читателя в мир средневековья. Еще один из первых критиков романа Ольга Кабанова («Кысь, брысь, Русь») указывала на своеобразный временной парадокс в нем: «События, описанные в книге, относятся не к будущему, а к прошлому. <...> Взрыв, в результате которого возник дикий и дикий мир, подробнейшим образом описанный в «Кыси» – не ожидаем, а уже пережит»³. Впечатления перемещения в прошлое создает и язык произведения, стилизованный под сказочно-фольклорное повествование, а также употребление в рассказе глаголов преимущественно настоящего времени, что создает соответствующий эффект дьящегося сегодня, сопровождающегося узнаваемыми современными образами. Такая «временная шизофрения» текста дополняется изображением системы персонажей: среди них есть родившиеся после Взрыва, и живут они недолго, а есть пережившие его

¹ Дяченко М. та С. Армагед-дом. Х., 2009. 380 с.

² Там же, с. 9.

³ Кабанова О. Кысь, брысь, Русь: Татьяна Толстая опубликовала свой первый роман // Известия. 2000. 31 окт. С. 10.

Прежние, которые перестали стареть, превратились в бессмертных.

Итак, постапокалиптическая картина действительности в романе Т. Толстой охватывает неподвижную, тягучую бесконечность, которая застопорилась в одной точке и не может выйти за свои пределы. Мир не развивается, потому что отсутствует механизм этого развития – путь из дремучего бескультурья.

Еще одна очевидная параллель на уровне хронотопа произведений – антиутопии Александра Ирванца «Ривнэ/ Ровно / Стена. Якобы роман»¹ и Владимира Сорокина «День опричника»². Оба произведения имеют признаки альтернативной истории, оба выстроены на похожей идее-предпосылке – образе Стены. В романе украинского автора она разделяет пополам Украину по линии Ровно на Социалистическую Республику Украина и Западно-Украинскую Республику с соответственно проевропейским и просоветским векторами развития. В романе Владимира Сорокина Россия отгорожена от остального мира Великой Русской Стеной.

Более-менее схожим является художественное время произведений. Когда русский писатель дает точное указание (действие романа «День Опричника» происходит в 2027 году), то украинский автор ориентирует читателя во времени приблизительно: своеобразным прологом-мистификацией к тексту произведения якобы является статья из «Краткого справочника по экономической географии», изданного в Киеве в 2002 году, об областном центре Социалистической Республики Украины городе Ровно.

Сопоставим и концептуальный подход к сюжетостроению романов, что определяет особенности их временной организации – оба произведения построены как рассказ об одном дне жизни главных героев: государева человека, опричника Андрея Комяги, у В. Сорокина (автор этот временной аспект маркирует и в названии произведения) и Шлоймы Ерцивана – художника, критически мыслящего и испытывающего давление со стороны власти, у А. Ирванца.

Сатирический пафос «Дня опричника» не похож на пафос романа украинского автора, объединяющего и сатирическое, и лирическое начала. Как и в случае с романом Т. Толстой, замечаем, вслед за другими исследователями³, яркую особенность антиутопического дискурса Сорокина – формальный перенос действия в условное будущее через стилизованную в исторические одежды поэтику, функция которого – аллегорическое изображение современности.

¹Ирванець О. Рівне / Ровно (Стіна). Нібито роман. Х., 2010. 76 с.

²Сорокин В. День опричника. М., 2006. 224 с.

³Кабанова Д.С. Будущее в прошедшем: постсоветская дистопия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. № 2. С. 88-93 и др.

В антиутопии А. Ирванца элементы сатиры не проявляют себя путем самохарактеристики персонажа, а касаются внешнего по отношению к главному герою мира. Ерциван переживает разделение родного города на две части – Ривнэ и Ровно, что произошло внезапно, в одну ночь. Стена разделила главного героя, который случайно оказался в то время в западной части города, с семьей, оставшейся в восточной. Антиутопический мир Ровно – пародия на советское прошлое. Однако оно не лишено и определенных лирических вкраплений. Лирическое начало в романе – следствие элементов автобиографизма в произведении (имя главного героя – анаграмма фамилии писателя).

А. Ирванец не просто художественно обыгрывает это изменение в названии романа. Сам факт изменения, выхода и перехода из тоталитарного общества в посттоталитарное, а также трудности этого перехода на уровне и городского сообщества, и внутренне-психологическом становятся объектом изображения в романе. Аллегорический образ Стены в произведении разграничивает не просто два мира, две качественно разные формы пространства, а различные формы протекания времени: в Ровно – циклическое, замкнутое прошлое, в Ривнэ – необратимое линейно-векторное. Как отмечает А. Евченко, «если для восточного Ровно <...> стена остановила время и закрывает собой призрак свободы, то для жителей Ривнэ она отрезала прошлое. Поэтому все они несчастливы – одним стена оставила мечты, а другим – воспоминания о таком же недостижимом»¹. Ключевым в произведении является внутренний конфликт героя: с одной стороны, ностальгия по навсегда утраченному прошлому, неспособность и нежелание от него избавиться, каким бы оно ни было, а с другой – желание движения вперед, развития, свободы самовыражения, следовательно – выпадение из замкнутого времени прошлого.

Таким образом, темпоральная проблематика и различные формы ее реализации в литературной антиутопии – общий момент для современного литературного процесса. Беглый сопоставительный анализ ряда российских и украинских антиутопий в аспекте временной организации произведений и их идейно-смысловой нагрузки показал, что в русской литературе анализируемое явление проявило себя значительно мощнее, чем в украинской. Отдельные образцы украинских антиутопий (перечень можно продолжить небольшим количеством произведений: «Время смертохристов. Миражи 2077 года» Ю. Щербака, «Дальнее пространство» Я. Мельника, «Цинь Хуань Гонь» Г. Тарасюк) используют формы реализации антиутопического дискурса, типологически сопоставимые с российскими: перенос действия в далекое или близкое будущее, постапокалиптические

¹Евченко О.В. Класична антиутопія і роман О. Ирванца «Рівне / Ровно / Стіна. Нібито роман» // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. 2005. № 24. С. 278.

видения, сосредоточенность на осмыслении природы времени и истории, наличие темпоральных лейтмотивов и др.

Кардинальное отличие российского и украинского антиутопического дискурсов в исследуемом аспекте заключается в том, что российские антиутопии демонстрируют различные варианты мира с замкнуто-циклическим, застывшим мифическим временем, которое не в состоянии разорвать порочную цепь дурной бесконечности движения по кругу, в результате чего границы между модусами времени размыты. Авторы украинских антиутопий более оптимистичны: они ищут и находят такой выход, предлагая альтернативу, вариативность развития событий, реализующихся через размыкание циклического антиутопического времени за счет выхода на качественно иной уровень, выхода за пределы мифа и т. д.

Восприимчивое творческое сознание писателя всегда тонко чувствует энергетику общества и экстраполирует объективную действительность на художественное явление. Антиутопия предупреждает – выводы делать читателям.

1. Время в антиутопическом дискурсе (на материале украинской и русской прозы конца XX – начала XXI веков).
Time in the anti-utopian discourse (on the material of Ukrainian and Russian prose in the end of 20-th and at the beginning of 21-th centuries).
2. Лавринович Лилия Богдановна
Lavrinovich Liliya Bogdanovna
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки.
Lesya Ukrainka East European National University.
e-mail: lilawri@gmail.com
3. Список литературы:
Антипович Т. Хронос. К., 2011.
Глуховский Д. А. Будущее. М., 2013.
Григоровская А. В. Феномен цикличности истории в российской антиутопии 2000-х годов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 3.
Дыдров А. А. Утопия и антиутопия как специфические формы отношения к модусу будущего // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14 а.
Дяченки М. та С. Армагед-дом. Х., 2009.
Євченко О. В. Класична антиутопія і роман О. Ірванця «Рівне / Ровно / Стіна. Нібито роман» // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. 2005. № 24.
Ірванець О. Рівне / Ровно (Стіна). Нібито роман. Х., 2010.
Кабанова Д. С. Будущее в прошедшем: постсоветская дистопия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология.

Журналистика. 2012. Т. 12. № 2. и др.

Кабанова О. Кысь, брысь, Русь: Татьяна Толстая опубликовала свой первый роман // Известия. 2000. 31 окт.

Козлова С. М. Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3.

Лобов В. Дом, который сумасшедший // Завтра. Фантастический альманах. Третий. М., 1992.

Михед О. У пошуках украденого часу // ЛітАкцент. 2011. 24 жовт. Режим доступу: <http://litakcent.com/2011/10/24/u-poshukah-ukradenoho-chasu/>

Смирнов А. Ю. Традиции литературной антиутопии в романе В. Войновича «Москва 2042» // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. III. Мн., 2004.

Собиянэк К. Прогнозирование будущего России в романе-антиутопии В. Г. Сорокина «День опричника» // Политическая лингвистика. 2009. № 30.
Сорокин В. День опричника. М., 2006.